

Слинки М.Ф.

ХАЛЬК И ПАРЧАМ: ИСТОКИ МЕЖФРАКЦИОННЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И РАСКОЛОВ

Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) оставила заметный след в афганской истории последней трети XX в. Еще будучи в оппозиции монархическому режиму, она довольно быстро обрела влияние и популярность среди значительной части политизированных городских средних слоев страны. Придя к власти в апреле 1978 года, НДПА превратилась в главную составляющую внутриафганского кризиса, продолжающегося и по сегодняшний день. В связи с этим изучение истории стремительного взлета этой партии и причин ее трагического падения представляется актуальным как с исторической, так и практически-политической точек зрения. Одной из таких причин, по мнению автора данной статьи, явилась ее организационная слабость.

Обозревая историю становления и деятельности НДПА, нельзя не заметить, что ее постоянно лихорадили острые внутренние разногласия и непрекращавшаяся борьба между ее различными кланами, группировками, фракциями. Партия с момента своего возникновения по существу никогда не была подлинно единой, хотя трижды – в 1965 – 67 и 1977 – 78 гг., а затем с 27 декабря 1979 года – формально выступала как единая политическая организация. Межфракционная борьба, ставшая неизменным спутником и пороком партии, значительно подрывала ее авторитет и влияние в стране, сковывала и ослабляла ее общественно-политическую активность и постоянно мешала ей обрести качества настоящего общенациональной политической силы.

Расхождения во взглядах среди участников революционно-демократического движения в Афганистане обнаружилось еще на этапе организационного оформления партии. Правда, в то время они были едва уловимы и не составляли предмета острых споров. Однако затем, по мере втягивания партии в общественно-политическую борьбу и усиления противоборства с правящими и консервативными кругами общества различия во взглядах внутри партии по животрепещущим вопросам движения стали проявляться все более рельефно и определено. Одна из первых конфликтных ситуаций в руководстве партии возникла накануне парламентских выборов в августе-сентябре 1965 года и была связана с предложением Н.М.Тараки принять в партию Хафизулла Амина, незадолго до этого возвратившегося из США после учебы там, и более того ввести его в состав ЦК НДПА. Против последнего предложения резко выступили Б.Кармаль и другие члены высшего руководящего органа партии, и Амин не был кооптирован в ЦК, хотя и был принят в партию¹. Есть все основания предполагать, что именно в связи с этим событием у Х.Амина, человека по натуре вероломного, злопамятного и мстительного, появилась паталогическая неприязнь и враждебность к Б.Кармалю и его сторонникам.

Открытая фракционная борьба в НДПА, по крайней мере, так считали сторонники Н.М.Тараки², началась после запрещения властями газеты «Хальк» в мае 1966 г., в связи с обсуждением вопросов тактики партии в новой ситуации. Выступая на одном из заседаний ЦК, Б.Кармаль отметил, что «НДПА обвиняется в «левачестве» из-за публикаций газеты «Хальк», и предложил: «Мы должны ослабить оттенок нашего красного цвета и убедить короля в том, что мы – не коммунисты»³. Это предложение, однако, не получило поддержки со стороны ряда членов ЦК НДПА. Они высказались за «продолжение решительной революционной линии»⁴. Так в руководстве партии отчетливо выявились два разных подхода к вопросам тактики движения: один – конфронтационный, отдававший приоритеты решительным формам и средствам борьбы, и другой – умеренный, исходивший из убеждения о необходимости не афишировать марксистский характер партии, сохранять максимум осторожности и гибкости в ее деятельности и обеспечить таким образом как можно дольше легальные условия и возможности для функционирования организации. По всей вероятности, в то время ни та, ни другая сторона еще не хотела доводить возникшие разногласия до разрыва⁵. Летом 1966 года с согласия обеих сторон было решено расширить состав ЦК, введя в него в качестве кандидатов в члены ЦК Мухаммада Исмаила Данеша, Абдул Хакима Шараи Джаузджани, Хафизулла Амина, Мухаммада Захера Офока, Абдул Мухаммада, Мухаммада Хасана Барека Шафии, Нур Ахмада Нура (Панджвайи) и Гулям Моджаддада Сулеймана Лайека. Несколько позже, в январе 1967 г., в члены ЦК НДПА были переведены Нур Ахмад Нур и Шах Вали. Следует заметить, что группа сторонников Тараки в руководстве партии с помощью указанных изменений состава ЦК, по их собственному признанию, преследовала цель «положить конец беспринципным действиям и предотвратить раскол в партии»⁶. Таким образом, ставка одной части партийного руководства, в конечном счете, делалась не на поиски разумных альтернатив, чтобы разрешить возникшие разногласия в партии в интересах движения в целом, а на слепое подавление инакомыслия на основе использования формулы беспрекословного подчинения меньшинства большинству. Хотя, надо признать, в рассматриваемый период введение в высший руководящий партийный орган новых лиц, в основном кандидатов в члены ЦК, которые не пользовались правом решающего голоса, да и по своей крыльевой ориентации составляли в целом примерный паритет, пока еще не могло изменить относительного баланса сил между двумя соперничавшими внутрипартийными центрами в пользу какого-либо из них. Однако сам по себе факт расширения состава ЦК и связанный с ним ажиотаж вокруг отбора и обсуждения претендентов, несомненно, содействовали дальнейшему усилению отчуждения и неприязни в их отношениях.

Новым поводом для обострения внутрипартийных страстей явилось выступление Б.Кармалю на одном из заседаний Вулуси джирги, обсуждавшей бюджет министерства королевского двора. В этом выступлении он, исходя из положения о том, что в тех конкретно исторических условиях страны

конституционная монархия еще не исчерпала своих прогрессивных возможностей (кстати, эта точка зрения в то время разделялась и в советских официальных кругах), высказал поддержку двору и выразил уважение и доверие к особе короля⁷. Данная речь Кармаля была расценена определенной частью партийцев как «реакционная»⁸. Не получив затем поддержки по поводу своего предложения ввести в состав ЦК НДПА известного партийного деятеля, офицера полиции Мир Акбара Хайбара, а главное встретив недоверие к себе и нежелание части высшего руководящего органа партии понять и внести изменения в тактику движения, Кармаль 24 сентября 1966 г. подал заявление об отставке из секретариата и ЦК⁹. Отставка была принята с перевесом всего лишь в один голос, которым посчитали голос самого Кармаля, обратившегося с просьбой об отставке. За его отставку голосовали члены ЦК Н.М.Тараки, Г.Д.Панджшери и С.М.Зерай, а «против» – С.А.Кештманд, М.Т.Бадахши и Ш.Шахпар.

В то время, когда развертывалась эта драма в руководстве партии, консервативно-клерикальные круги усилили свои наскоки на демократические силы страны. В качестве их ударного отряда активно выступала часть богословов, входившая в афганский филиал международной организации "Братьев-мусульман". При их непосредственном подстрекательстве 30 ноября 1966 года в парламенте было учинено избиение депутатов от демократической оппозиции Б.Кармаля, Н.А.Нура, А.Ратебзад и других. В результате избиения 15 человек получили ранения. При этом Б.Кармаль был госпитализирован. Следует отметить, что отношения различных групп афганской общественности, в том числе и членов НДПА, к этому дикому инциденту в парламенте оказалось неоднозначным. Клерикальные и консервативные круги столицы встретили физическую расправу над "безбожными коммунистами" нескрываемым ликованием и полным одобрением, а демократические элементы – резкими протестами и осуждением. Кабульское студенчество вместе с рядовыми членами партии провели в Кабуле массовую демонстрацию в поддержку депутатов от демократических сил. К сожалению, сторонники Н.М.Тараки в руководстве НДПА отказались выступить в защиту своей парламентской фракции и дать правильную политическую оценку акту расправы над коллегами по партии. Более того, впоследствии в своих публикациях они стали рассматривать избиение указанных депутатов всего лишь как "ловкую инсценировку" самого Б.Кармаля, рассчитанную-де на то, чтобы заставить ЦК партии "официально заявить о своем доверии к нему"¹⁰.

В конце 1966 – первой половине 1967 года в рамках НДПА практически уже действовали две изолированные, соперничавшие между собой группы, что не могло не поставить под удар организационное единство партии. Раскол ее фактически был предreshен и вскоре, в мае 1967 года, стал свершившимся фактом: образовались две самостоятельные фракции вне рамок НДПА. Во главе одной встал Н.М.Тараки, к которому примкнули члены прежнего ЦК С.М.Зерай, М.Т.Бадахши, Шах Вали и кандидаты в члены ЦК А.К.Мисак, доктор Мухаммад Захер, Х.Амин, доктор Абдул Мухаммад, М.Захер Офок и М.И.Данеш, а другую возглавил Б.Кармаль. К нему из старого состава членов ЦК НДПА присоединились С.А.Кештманд, Г.Д.Панджшери, Ш.Шахпар, Н.А.Нур и кандидаты в члены ЦК А.Вахаб Сафи, А.Х.Шараи Джаузджани, М.Х.Барек Шафии, Г.М.Сулейман Лайек. Позже за этими фракциями среди афганской и зарубежной общественности закрепились названия соответственно "Хальк" и "Парчам" (по заглавию партийных печатных органов). Однако в переписке и в официальных документах каждая из них выступала под прежним названием "Народно-демократической партии Афганистана" с той лишь разницей, что халькисты к указанному названию партии добавляли в скобках "авангард рабочего класса страны", а парчамисты – "партия трудящихся Афганистана". Обе фракции, став организационно самостоятельными, вместе с тем руководствовались одними и теми же программой и Уставом и преследовали общие (програмные) стратегические цели и задачи. В численном отношении фракция Парчам в момент данного раскола, видимо, несколько превосходила фракцию Хальк¹¹.

В 1968 году в условиях нового подъема общественной и политической активности различных слоев населения Афганистана была сделана попытка восстановить единство партии. С этой целью в течение недели в доме Н.М.Тараки велись переговоры, в которых приняли участие, с одной стороны, Шах Вали и А.К.Мисак и, с другой, Г.Д.Панджшери и А.Х.Джаузджани. Обе стороны в предварительном порядке достигли договоренности о том, чтобы на первом этапе обеспечить единство действий, а в дальнейшем подготовить условия для полного организационного единства партии. Однако данная договоренность не стала реальностью. Снова, как и прежде, камнем преткновения явился вопрос о кооптации новых членов в руководящие органы партии: халькистское крыло категорически отвергло предложение ввести в ЦК НДПА М.А.Хайбара и А.Ратебзад¹². Вследствие этого переговоры были прекращены.

Раскол НДПА значительно ослабил леводемократическое движение и его воздействие на общественно-политическую жизнь страны, особенно в 1967 – начале 1968 года. Ряды активной демократической оппозиции захлестнула волна взаимных обвинений, оскорблений и враждебности, отодвинув на второй план усилия по реализации программных установок.

Возникает вопрос: в чем же состоят коренные причины организационной слабости НДПА, устойчивого сохранения в ее рядах групповщины и фракционности, распрей и расколов в ее руководстве?

По этому вопросу как в самой НДПА, так и в советских и зарубежных исследованиях и публикациях, рассматривавших проблемы афганской истории данного периода, высказывались и продолжают высказываться разные суждения и оценки, не всегда совпадающие по своему содержанию. Во многих случаях, на мой взгляд, они охватывают далеко не все стороны данного явления внутрипартийной жизни НДПА и вообще леводемократического движения в стране или же трактуют это явление весьма поверхностно и даже предвзято. Последнее было особенно характерным для высказываний различных

группировок и фракций в самой НДПА и их деятелей.

Так, в документе, принятом на объединенной конференции НДПА 12 саратана 1356 года (3 июля 1977 г.), ошибки и расколы в партии объяснялись в целом отсталостью афганского общества, отсутствием опыта и слабостью знаний теории и практики на начальном этапе развития партии. С этими факторами связывались такие широко имевшие место в партии пороки, как раздоры и распри среди ее членов, кружковщина, фракционизм, проявление местничества и шовинизма, сектанство, интеллигентская мелкобуржуазность и др.¹³ Позже, через 20 лет с момента образования НДПА, ее руководство еще раз сделало попытку беспристрастно и самокритично осмыслить и выяснить корни серьезных субъективных слабостей и объективных слабостей партии в процессе ее становления и развития в 60-70-х годах и извлечь из этого исторические уроки на будущее. В этой связи в материалах, посвященных данному юбилею партии, было отмечено, что на ее состояние неблагоприятное воздействие оказали общая отсталость и неразвитость социально-политических отношений, низкий уровень политической и классовой сознательности трудящихся, недостаточная национальная и культурная зрелость афганского общества. По своему социальному составу НДПА, говорилось далее в указанных материалах, оставалась в основном партией интеллигенции, для членов которой были характерны невысокий уровень классово-политического сознания и теоретической подготовки. По признанию тогдашних руководителей НДПА, в дореволюционный период "в партийной среде ощущалось сильное влияние интеллигентского индивидуализма, неоправданно высокой эгоцентрической самооценки, влияние групповых, националистических, клановых и племенных интересов, болезни кустарщины и раздробленности, мелкобуржуазной групповщины"¹⁴. Все это, по их мнению, вместе с полуправильным положением НДПА, воздействием маоистских взглядов на отдельных партийцев и подрывными действиями против нее со стороны правящих кругов страны и внешних враждебных сил серьезно затрудняло организационное укрепление партии и ее связи с массами и "содействовало возникавшим расколам партийных рядов"¹⁵.

Далеко не такие оценки и объяснение истоков внутрипартийной борьбы давали сами фракции Хальк и Парчам в период их раздельного функционирования в 1967-1977 годах. Халькисты, в частности, считали, что раскол в партии явился исключительно делом рук "империалистической и феодальной реакции", поставивших своей целью "раздробить партию изнутри", "уничтожить авангард рабочего класса или, по крайней мере, затормозить дальнейшее его развитие"¹⁶. По их взглядам, реакция и монархический режим стремились осуществить этот злобный замысел с помощью Парчам и парчамизма, который как течение якобы "был искусственно создан по указке правящих кругов для обмана народа и ликвидации его завоеваний"¹⁷. Парчамизм в своей эволюции, писали халькисты, прошел несколько этапов, в том числе и "этап скрытой подготовки в карательных органах, т.е. в тайной полиции и военной контрразведке монархического режима"¹⁸. Они (халькисты) категорически отвергали утверждение о том, что в основе раскола партии лежала "борьба между вождями". По их заявлению, такое утверждение преследовало лишь цель скрыть "подрывную деятельность и предательскую классовую основу" группы Парчам и их лидера, а также "противопоставить последнего ЦК и генеральному секретарю Н.М.Тараки"¹⁹.

Необходимо заметить, что позиция группы Хальк по рассматриваемому вопросу отличалась особой враждебностью и резкостью суждений в отношении своих бывших партийных коллег. Ее трактовки по поводу причин разброда и раскола в партии обычно сопровождалась нелицеприятными, оскорбительными эпитетами и выпадами против лидера Парчам Б.Кармаля и других ее активных деятелей. В целом, по ее (Хальк) характеристике, парчамисты – "это народ с дутым самомнением, не терпящий классовой критики, неустойчивый, капризный, обидчивый, не желающий признавать своих ошибок и уверенный в собственной непогрешимости"²⁰.

После революции 1978 года, когда парчамистское крыло снова оказалось вне партии, руководящие деятели Хальк, излагая свое видение причин первого раскола партии, повторили их прежние выводы и оценки о "проникновении в партийные ряды агентуры правящих кругов и классов и политической незрелости части членов партии", неверии некоторых элементов в "окончательный триумф классовой борьбы", а также старые, отрицательные характеристики по адресу лидеров Парчам²¹.

Что касается группы Парчам, то она видела корни внутрипартийных разногласий в идейно-теоретической незрелости (по выражению Б.Кармаля, "теоретической нищете"²²) и идеологической беспринципности значительной части партийцев, сохранении в рядах организации, не прошедшей еще этапа своего "младенчества", болезни кружковщины и раздробленности, в заговорах и подрывной деятельности против партии внутренней и внешней реакции и раскольнических элементов. Руководящие деятели Парчам открыто отмечали, что слабости партии и в целом демократического движения в стране во многом были обусловлены их мелкобуржуазным составом, для которого характерными являлись такие пороки, как эгоцентризм, чванливость, неустойчивость поведения и неуживчивость, нетерпимость к другим взглядам, склонность к авантюризму и ультрареволюционности и т.п. Они не отрицали влияния отдельных лидеров движения на возникновение идеологических и других разногласий и связанных с ними шатаний и расколов в партии, хотя и не считали правильным все это сводить только к роли личностей²³. Парчамисты решительно отвергали, как не соответствующее действительности, утверждение о том, что разногласия между Н.М.Тараки и Б.Кармалем будто бы возникли в связи с тем, что первый выступал за издание газеты "Хальк", а второй – против²⁴.

Следует подчеркнуть, что парчамисты, в отличие от халькистов, были более сдержанны и корректны (по крайней мере в своих публикациях) в полемике со своими партийными соперниками, избегали, как

правило, упоминания конкретных личностей и не допускали по их адресу грубых оскорблений и брани. Более того, они неоднократно на страницах газеты "Парчам" и в других печатных материалах, обращаясь к прогрессивным силам страны, призывали их решать существующие между ними споры и разногласия только на основе "здоровой и принципиальной критики", а не с помощью "ругани, обвинений и оскорблений"²⁵.

Проблемы становления НДПА, как уже говорилось выше, не были обойдены вниманием и в советской, и в зарубежной афганистике. При этом, если советские авторы стремились рассматривать указанные проблемы в общем контексте социально-экономических, политических, национальных, исторических и других реальностей афганского общества, с учетом того или иного влияния широкого спектра объективных и субъективных факторов²⁶, то зарубежные, прежде всего американские, авторы, отдавая приоритеты, как правило, субъективным факторам, пытались объяснить внутренние разногласия и раскол в НДПА в основном следующими тремя причинами: личным антагонизмом и амбициями лидеров двух фракций; разным социальным происхождением соперничавших группировок внутри партии; и тактическими расхождениями между ними²⁷. Западные исследователи игнорировали объективные условия и их воздействие на внутреннюю борьбу в НДПА, пренебрежительно называя их "туманными марксистскими догматами"²⁸. В зарубежной литературе по Афганистану получила известное распространение и еще одна точка зрения, согласно которой одной из главных причин разногласий и размежевания в руководстве НДПА на начальном этапе ее функционирования явилась раскольническая деятельность Х.Амина²⁹. Попытка объяснить трудности, ошибки и расколы в партии исключительно "кознями" и "интригами" Х.Амина была характерна и для высказываний афганских партийных деятелей, особенно после декабрьских событий 1979 года³⁰.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что истоки разногласий, слабостей партийного единства и расколов в НДПА носили сложный и глубокий характер и вызывались действием многих специфических внутренних и внешних факторов. Чтобы понять эти истоки, представляется необходимым рассмотреть их, по возможности подробнее.

Во-первых, многие пороки партии были, безусловно, порождены ее социальным составом. Как известно, в Афганистане к 60-м годам XX в. еще не были завершены процессы классовой дифференциации, еще не сложились в полном смысле этого понятия ведущие классы буржуазного общества и самыми многочисленными в социальной структуре населения страны по-прежнему оставались мелкобуржуазные слои. Давно уже подмечено, что данные слои вследствие своего промежуточного социального положения и экономической двойственности обычно отличаются индивидуализмом, неустойчивостью своего политического поведения, эклектизмом во взглядах и идейных воззрениях, шараханьем от одной крайности к другой, склонностью к авантюризму и экстремизму, неспособностью к длительному сохранению дисциплины и организованности, пренебрежением к социальным низам и раболепием перед "верхами", карьеризмом, а также такими чертами социальной психологии, как амбициозность и капризность, завышенная самооценка, обидчивость и нетерпимость к критике и т.п.

НДПА, будучи по своему социальному составу мелкобуржуазной партией, неизбежно несла в себе в той или иной степени указанные выше характеристики своей среды. Разумеется, это не означает, что мелкобуржуазное происхождение обязательно должно определять только негативную модель поведения. Как показывает опыт, многие выходцы из данной среды в процессе общественно-политической борьбы очищались от своих социальных пороков и становились последовательными и истинными борцами за интересы трудящихся. И НДПА в этом отношении не являлась исключением. Этому содействовали солидный интеллектуальный потенциал представителей афганской интеллигенции, входившей в партию, ее искреннее стремление демократизировать общественную жизнь и горячее желание избавить свою страну и народ от вековой отсталости, нищеты и несправедливости. И тем не менее многочисленные проявления мелкобуржуазной психологии в партийной среде мешали НДПА стать подлинно сплоченной, дееспособной и по-настоящему авторитетной общенациональной политической силой.

Во-вторых, следует признать, что немаловажную роль в процессе расслоения и размежевания внутри НДПА сыграли социальные различия между ее двумя основными группировками. В частности, среди халькистов преобладали выходцы из трудовых, полупролетарских слоев населения – низших прослоек интеллигенции и государственных служащих, мелких торговцев, ремесленников, крестьян, проживавших как в столице, так и в провинциях. В то же время ряды парчамистов формировались преимущественно за счет городских состоятельных слоев и классов – средних и отчасти верхних прослоек интеллигенции и государственных служащих, торговцев, зажиточных крестьян и ремесленников, частично помещиков, военнотружеников-выходцев из привилегированных слоев общества.

Парчамисты вследствие своего более высокого социального и имущественного положения и близости некоторых их руководителей к элитарным слоям общества всегда воспринимались со стороны халькистского крыла как нечто чужеродное в рядах афганского леводемократического движения. На этой почве халькисты постоянно испытывали к ним личную неприязнь, политическое недоверие и подозрительность, что стало со временем одной из причин непреодолимой обособленности друг от друга указанных крыльев.

В-третьих, положение НДПА серьезно осложнялось особенностями этнонационального состава партии. Дело в том, что халькисты в своем подавляющем большинстве были пуштунами из юго-западных, южных и восточных провинций страны (Гильменда, Кандагара, Заболя, Газни, Пактии, Пактики,

Нангархара), в то время как парчамисты в значительной степени состояли из таджиков, представителей других национальных меньшинств (хазарейцев, узбеков, туркмен и др.) и городских таджикизированных пуштунов, проживавших в основном в столице, центральных и северных провинциях страны.

Оплотом халькистов в столице были пуштунская учительская интеллигенция, а также учащаяся молодежь общеобразовательных школ Абу Сина, Рахман-баба, Хошхаль-хан, где обучались уроженцы окраинных пуштунских и белуджских районов страны. Что касается парчамистов, то центром их внимания стали столичные, престижные лицеи Хабибия, Неджат, Гази, Истеклаль, Надирия, где обучались в основном представители имущих слоев из числа таджиков, городских пуштунов и других национально-этнических групп населения Афганистана. Оба крыла имели довольно сильные позиции также и среди студенчества, преподавателей и сотрудников Кабульского и Нангархарского университетов и Политехнического института. Однако и здесь наблюдалась устойчивая тенденция к их национальной обособленности. В основе такого обособления по национальному признаку, гнавшего еще до официального оформления партии, на ее кружковом этапе деятельности, лежали общая напряженность в национальных отношениях между пуштунами, с одной стороны, и непуштунами - с другой. Этноцентристские представления и национальная предубежденность, дух землячества и регионализма, которые были свойственны значительной части партийцев, постоянно "подпитывали" и обостряли межкрыльевую рознь, неизменно оказывали влияние на их поведение, взгляды и настроения и раскалывали партийные ряды не только по руслу "пуштуны-непуштуны", но и расчленили пуштунов-партийцев на группы в зависимости от их регионально-племенной принадлежности (дуррани, гильзай, пуштуны Пактии, Кандагара и т.д.).

В-четвертых, становлению и организационному укреплению партии сильно мешало тяжелое наследие кружковщины. Как уже отмечалось, НДПА была создана на основе объединения двух центров кружков, имевших своих признанных лидеров, свое видение социально-экономической, национальной и политической ситуации в стране и способов решения задач национально-демократического движения, а также и свойственные каждому центру в отдельности свои социальные, этно-национальные, земляческие, региональные, профессиональные и другие характеристики. Прежние узкие кружковые связи и тяготение к двум центрам оказались исключительно живучими и продолжали действовать в НДПА многие годы, разобщая партийные ряды и усиливая центробежные, сепаратистские тенденции в партии.

К существованию двух указанных центров внутри партии восходят также и болезненные перипетии борьбы вокруг персонального состава ее руководящих органов и так называемая "проблема двух вождей" (Н.М.Тараки и Б.Кармаля), заключающаяся, как представляется, не столько в их антагонизме и личных притязаниях на лидерство, сколько в постоянных стремлениях и действиях каждой из двух фракций обеспечить за собой во что бы то ни стало приоритетные позиции в высшем партийном руководстве. Такие устремления иметь "своего" лидера и связанные с этим межкрыльевое соперничество и борьба остались и после того, как с политической арены сошли названные партийные руководители.

В-пятых, организационная слабость НДПА была связана непосредственно с тем, что партия в течение более чем двух лет с момента своего создания функционировала без партийного устава, без какого-либо установленного свода норм, правил и принципов внутрипартийной жизни. Однако и после принятия Устава партии в 1967 году деятельность ее организаций и членов во многом продолжала проходить вне уставных требований, что отрицательно сказывалось на укреплении дисциплины, организованности и сплоченности партийных рядов.

В-шестых, обе фракции в НДПА существенно расходились по ряду актуальных вопросов национально-демократического движения в стране, в том числе и по программным, хотя каждая из них в своих публикациях и выступлениях деятелей никогда не ставила под сомнение правильность ни одного из положений программы партии.

Их расхождения на начальном этапе формирования партии касались прежде всего оценки социально-классовой ситуации в стране, движущих сил революции, характера партии и проблем гегемонии в движении. Халькистское крыло, преувеличивая степень феодальности афганского общества и включая в движущие силы революции преимущественно трудовые слои населения, по их терминологии – "эксплуатируемых", не только не хотело признавать за национальной буржуазией позитивной роли в национально-демократическом движении и исключало какую-либо возможность союза с ней, но и, более того, было склонно считать ее силой контрреволюционной. Одновременно халькисты необоснованно преувеличивали масштабы пролетаризации общества и способность рабочего класса страны выполнить свою "руководящую роль в национально-демократической революции"³¹. На основе данной посылки они говорили о коммунистическом характере своей партии, называя ее "авангардом рабочего класса страны", призванной, по их мысли, обеспечить вначале свержение феодального строя и захват власти, а затем и перерастание "национально-демократической революции в социалистическую"³². Впрочем, и парчамисты в своем кругу и в кругу зарубежных друзей называли себя "коммунистами", имея, однако, в виду не характер движения, а свою идеологическую приверженность.

Парчамисты, в отличие от халькистов, включали в состав движущих сил антифеодальной и антиимпериалистической революции более широкий спектр слоев и классов афганского общества – трудящиеся массы, интеллигенцию и бюрократию, различные отряды национальной буржуазии и даже патриотически настроенных мелких и средних помещиков³³. Они считали, что победа национально-демократической революции может быть обеспечена под руководством революционной демократии, а не

коммунистической партии, для возникновения которой, по их взглядам, в Афганистане в то время не было соответствующих условий. В связи с этим они мыслили свою партию как авангард трудящихся страны, что нашло отражение во второй части ее (партии) названия, а именно: "НДПА (партия трудящихся Афганистана)". Расширительная трактовка парчамистами движущих сил революции и характера партии были встречены резко негативно со стороны халькистов, которые квалифицировали взгляды своих соперников как оппортунистические и соглашательские, как "сознательное предательство класса эксплуатируемых во имя буржуазии – класса эксплуататоров", как проявление "буржуазной сущности парчамизма" и "отрицание на словах и на деле ведущей революционной роли рабочего класса в современной общественно-политической борьбе за социальное и национальное освобождение"³⁴.

Парчамисты, также как и халькисты, исходили из убеждения о необходимости руководящей роли рабочего класса в национально-демократической революции³⁵. Однако они допускали и другой вариант: создание коалиционного правительства с участием представителей всех демократических, национальных, прогрессивных и патриотических сил в случае, если рабочий класс страны окажется неспособным, особенно в начале национально-демократической революции, выполнить свою роль гегемона³⁶. Кто же должен был при данном варианте выполнять роль гегемона движения, парчамисты не уточняли.

Расхождения во взглядах по программным вопросам между Хальк и Парчам нашли концентрированное выражение в их концепциях "народной демократии" и "национальной демократии"³⁷. Первая из них, сформулированная Н.М.Тараки в общих чертах еще в начале 60-х годов во время подготовки к созданию партии Объединенный национальный фронт Афганистана и затем изложенная им на I Учредительном съезде НДПА, включала в себя в основном следующее: создание в Афганистане пролетарской партии; обеспечение руководящей роли рабочего класса в национально-демократической ("хальковской") революции; внесение пролетарской идеологии в сознание трудящихся масс и особенно интеллигенции, в том числе военной, и организация их для завоевания политической власти; установление в стране диктатуры пролетариата после победы революции и т.д.³⁸ Данная концепция, противоречившая узловым положениям программы партии, стала на практике для халькистского крыла руководством к действию и своеобразной "теорией хальковской (народной) революции".

Концепция "национальной демократии", которая вошла в программу партии в качестве ее основополагающего элемента и которой в принципе стремились придерживаться парчамисты, исходила из того, что Афганистан находится на этапе антифеодальной, антиимпериалистической, национально-демократической революции, и в связи с этим предусматривала участие в данной революции разнородных социально-классовых сил от трудящихся до буржуазии, создание "единого национально-демократического фронта", приведение к власти правительства блока всех демократических, национальных, прогрессивных и патриотических сил, ядром которых должна была стать НДПА³⁹. Халькисты решительно отвергали подобные взгляды деятелей Парчам, обвиняя их в том, что они-де "выхолащивают из марксизма-ленинизма его главную суть – учение о руководящей роли рабочего класса в социальной революции и диктатуре пролетариата"⁴⁰.

Таким образом, как это видно из сравнения двух приведенных концепций, различия во взглядах между Хальк и Парчам по стержневым программным вопросам носили довольно существенный и принципиальный характер. Следует заметить, что в данном случае позиция парчамистского крыла в наибольшей степени учитывала специфику страны и последовательность решения задач демократического развития стран, чего нельзя было сказать о другом крыле.

В-седьмых, предметом разногласий между Хальк и Парчам был и вопрос о формах и средствах борьбы. Халькистское крыло, делая ставку на ведение классовой борьбы и форсированную подготовку "народной (хальковской) революции" (другими словами – путча), отдавало приоритеты, как правило, нелегальным и насильственным формам и средствам борьбы, в то время как парчамисты, имея в виду постепенность и длительность периода вызревания элементов революционной ситуации, ориентировались на более широкое использование легальных возможностей и разнообразных политических средств.

В-восьмых, межфракционные противоречия в определенной степени осложнялись также вследствие несовпадения взглядов по пуштунской проблеме, отношении к которой в Афганистане начиная с 90-х годов XIX в. всегда было мерилом патриотизма и показателем "духа афганства". Оба крыла партии в своих публичных выступлениях и заявлениях придерживались внешне сходных позиций как по вопросу о непризнании "линии Дюранда", навязанной Афганистану британскими колонизаторами в 1893 году и нарушившей территориальную целостность и этнические границы пуштунов, так и по вопросу о поддержке права пакистанских пуштунов на самоопределение. Однако каждое крыло вкладывало в эти вопросы свое содержание.

Позиция Парчам сводилась в основном к решительной морально-политической поддержке освободительной борьбы зарубежных пуштунов и их права самим решать свою судьбу в рамках пакистанского государства. Что касается группы Хальк, то ее экстремистски настроенные деятели типа Х.Амина вынашивали скрытые шовинистские панпуштунские замыслы и мечтали под флагом "права наций на самоопределение" и "национального желания" народа Афганистана воссоединить всех братьев-пуштунов в рамках единого афганского государства и реализовать таким образом идею "Великого Афганистана" до реки Инд⁴¹. Несомненное влияние на формирование подобных взглядов в среде халькистов оказывала культивировавшаяся в то время в кругах пуштунской интеллигенции, в том числе и военной, идея о насильственном решении пуштунской проблемы, автором и рьяным сторонником которой

в господствующих кругах страны был сардар М.Дауд⁴².

Различия между крыльями проявлялись также и в направленности связей с пакистанскими общественно-политическими кругами. К примеру, халькисты, исходя из своей концепции "народной демократии", развивали отношения с левыми силами – движением пуштунов-арендаторов во главе с Афзалем Бангашем, Рабоче-крестьянской партией ("Маздур Кисан парти"), различными коммунистическими группировками, в то время как парчамисты тесно сотрудничали с национально-демократическими и прогрессивными кругами Пакистана (Национальной народной партией во главе с Абдул Вали-ханом и др.)⁴³.

В-девятых, Народно-демократической партии Афганистана в течение многих лет ее функционирования явно не доставало "цивилизованности" и культуры в ее внутрипартийных делах. Партия, не имея собственного опыта организационно-партийной работы и слепо копируя чужие (не всегда, кстати, лучшие) нормы партийной жизни, рожденные в совершенно иных социальных, политических, исторических и других условиях, стремилась рассматривать любое несовпадение взглядов в рядах организации, любое несогласие с линией высшего руководства как фракционизм, ревизионизм, оппортунизм и т.п. и неизменно боролась с инакомыслием в партийных рядах исключительно с помощью организационно-административных мер. Неизбежным следствием этого становились раздоры, обособление и конфронтация в партийных рядах, утрата подлинной боевитости и сплоченности организации, удушение здоровой критики и конструктивной мысли, попрание внутрипартийной демократии, создание в партии духа безропотного подчинения и поклонения "вождям" и другие негативные явления.

В-десятых, на положение в НДПА, безусловно, оказывали влияние слабая теоретическая подготовка ее членов, их политическая незрелость и неучет ими в практической деятельности особенностей и специфики своей страны, которую они – члены партии, в основном городские жители, к сожалению, знали плохо и, что еще хуже, не хотели ее познавать. Именно отсюда в партии проистекали догматизм, субъективизм и дилетантство.

И, наконец, нельзя сбрасывать со счетов воздействие на положение в партии внешних факторов – враждебной подрывной деятельности правящих кругов, консервативных, антидемократических, лево- и правозэкстремистских сил, а также зарубежных пропагандистских центров и спецслужб. С целью ослабления НДПА и устранения ее с арены политической борьбы в Афганистане они искусно провоцировали личные антагонизмы и неприязнь между лидерами Хальк и Парчам, натравливали и восстанавливали их членов друг против друга, расширяя таким образом пропасть между двумя основными крыльями в рядах афганских леводемократических сил. Пагубное влияние на взгляды партийцев оказывала маоистская идеология. Организационному укреплению НДПА мешало также и ее полулегальное положение.

Особо следует сказать о раскольнической роли Х.Амина, которую он сыграл в первых актах истории НДПА. Он, действительно, вносил много деструктивного, разрушительного в жизнь и деятельность партии, умело разжигал страсти по вопросам лидерства в организации, постоянно провоцировал внутрипартийные склоки, взаимную неприязнь и недоверие. Вместе с тем было бы ошибочным преувеличивать его "вклад" в раскол НДПА. Беды партии, ее организационные и политические слабости в период становления (да и позже) коренились, как уже было сказано, в самой природе НДПА, вызывались действием многих внутренних и внешних факторов и не сводились только к Х.Амину. В развертывавшейся афганской историко-партийной драме он был лишь одним из действующих лиц, одним из ее злых начал.

Расколы и размежевание в леводемократическом движении Афганистана после 1967 года стали довольно частым явлением. Вслед за расколом партии на две фракции острый характер в ЦК НДПА (Хальк) приобрели разногласия между его членами М.Т.Бадахши⁴⁴ и Х.Амином (последний был введен в ЦК партии сразу же после раскола партии). Январский (1968 г.) пленум ЦК, обсудивший выводы контрольной комиссии по поводу возникшего конфликта между указанными деятелями, охарактеризовал сложившееся в руководстве организации положение как "кризис в партии" и принял решение перевести Х.Амина из членов ЦК в кандидаты в него за его "шовинистические взгляды". Заслуживает особого внимания приведенная в решениях данного пленума характеристика Х.Амина как человека, "известного по своей прошлой жизни фашистскими чертами и связанного с высокопоставленными чиновниками тех же качеств". Одновременно пленум осудил и М.Т.Бадахши за сектантские взгляды и приостановил его членство в ЦК, оставив его членом партии. После пленума М.Т.Бадахши вместе с группой своих сторонников вышел из Хальк и вскоре создал новую политическую организацию⁴⁴. В следующем году раскол произошел и в крыле Парчам: его покинули и примкнули к Хальк Г.Д.Панджшери, А.Х.Шараи Джаузджани, Ш.Шахпар и ряд других лиц. Впоследствии от Хальк откололись и создали самостоятельные группировки Мухаммад Захер Офок (1971 год), Аманулла Остовар (1972 г.) и Абдул Карим Заргун (1974 г.)⁴⁵.

Дробление партии на соперничавшие между собой фракции и мелкие группы сопровождалось заметным снижением ее общественно-политической активности. Однако негативные процессы в партийных рядах все же не привели к устранению леворадикальной оппозиции из политической жизни страны, на что рассчитывали правящие круги, внутренние и внешние консервативно-клерикальные силы. Более того, в апреле 1978 года НДПА сумела захватить власть в стране, используя для этого армейские

подразделения и части. Начался новый этап в ее деятельности в качестве правящей партии, сильно отягощенной все более углублявшимися и, как оказалось чуть позже, непримиримыми противоречиями и распрями, которые, наряду с другими внутренними и внешними факторами, сделали, в конечном итоге, и саму партию, и олицетворяемый ею тоталитарный режим несостоятельными.

Примечания

1. Mukherjee, Sadhan. *Afghanistan: From Tragedy to Triumph*. – New Delhi: Sterling Publishers Private Limited, 1984. – P. 96.

Биографические справки о видных партийных и государственных деятелях Афганистана см.: Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия у власти. Время Тараки-Амина (1978 – 1979 гг.). – Симферополь: Издательство Симферопольского государственного университета, 1999. – С. 193-321.

2. О Народно-демократической партии Афганистана (авангарде рабочего класса страны). – Кабул, 1976. – С. 10 (перев. с дари; машинописный текст); Ды Афганестан каланый. 7 саур 1357-1358. – Кабул: Издание министерства культуры и информации, 1358 (1979). – С.15. – На языках пушту и дари.

3. О Народно-демократической партии Афганистана. – С. 10.

4. Там же, с. 11.

5. Ды Афганестан каланый. – С.15; Справочник активиста Народно-демократической партии Афганистана: вопросы и ответы. – Кабул: Б.и., 1982. – С.14. – На языке дари (рахнама-йе фаалин-е хезб ...).

6. Ды Афганестан каланый. – С.15; О Народно-демократической партии Афганистана. – С. 11.

7. Вулуси джирга джарида. – 1966. – № 18. – С.2.

8. О Народно-демократической партии Афганистана. – С. 11.

9. Там же, с. 13.

10. Там же, с. 14.

11. Arnold, Anthony. *Afghanistan's Two-Party Communism: Parcham and Khalq*. – Stanford, California: Hoover Institution Press, 1981. – P.38.

12. О Народно-демократической партии Афганистана. – С.15-17.

13. Документ конференции НДПА. – [Кабул], 1977. – С.3. – На языке дари (машинописный текст); Краткая история Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны) до апрельской революции. – Кабул: Б.и., 1978. – С.83. – На языке дари (тарих-е мохтасар-е хезб-е демократик-е халк-е Афганестан ... та энкелаб-е саур).

14. 20-летие Народно-демократической партии Афганистана. – Кабул: Б.и., 1985. – С.18-19.

15. Там же, с. 18; см. тж.: Справочник активиста НДПА. – С. 13-14.

16. О Народно-демократической партии Афганистана. – С. 9-10.

17. Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – Кабул, 1976. – С.2 (машинописный текст; прев. с дари).

18. Там же, с. 3.

19. Там же, с. 4.

20. Там же, с. 3-6; О Народно-демократической партии Афганистана. – С. 10-17.

21. Биография генерального секретаря Народно-демократической партии Афганистана, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Нур Мухаммада Тараки. Кабул: Издание Главного политического управления народных вооруженных сил, 1978. – С. 27-28. – На языке дари; Ды Афганестан каланый. – С.15.

22. Кармаль Б. Что делать? // Парчам. – 1969, 21 и 28 апреля.

23. Там же; Парчам. – 1969, 16 июня.

24. Пайам-е ведждан. – 1969, 27 апреля; Парчам. – 1969, 5 мая.

25. Парчам. – 1969, 27 апреля, 5 мая, 30 июня; Воззвание к борцам-патриотам Афганистана: Документы по поводу единства парчамистов и халькистов. Гамбург, январь 1976. – На языке дари (пайам-е мобарезан-е ватанпараст-е Афганестан; ротاپринт).

26. См.: Демократическая Республика Афганистан: Справочник. – М.: Наука, 1981. – С. 42-43; Поляков Г.А. Афганистан революционный. – М.: Международные отношения, 1981. – С. 37; История Афганистана. – М.: Мысль, 1982. – С. 302-303; Мурадов Г. Демократическая Республика Афганистан. – М.: Наука, 1982; его же. Демократическая Республика Афганистан на новом этапе Апрельской революции // Афганистан: прошлое и настоящее. Советское востоковедение (Выпуск 1). М.: Общественные науки, 1982. – С. 100; Актуальные проблемы афганской революции. М.: Наука, 1984. – С.67-75; Басов В.В., Поляков Г.А. Афганистан: трудные судьбы революции. – М.: Знание, 1988. – С.13.

27. Arnold, Anthony. *Afghanistan's Two Party Communism*. P. 34 – 36; idem. *Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective*. – Stanford: Hoover Institution Press, 1981. P. 51 – 52; Dupree, Louis. *Afghanistan under the Khalq // Problems of Communism*. – July – August 1979. Vol XXVIII, No. 4. – P. 41; Newell, N.P., Newell, R.S. *The Struggle for Afghanistan*. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1981. – P. 63; Collins, J.J. *The Soviet Invasion of Afghanistan: A Study in the Use of Force in Soviet Foreign Policy*. Massachusetts: Lexington Books, 1986. – P. 29; Azmat Piayat Khan. *The Antecedents and Origin of Khalk and Parcham Parties in Afghanistan // Central Asia*. Winter 1987. – Vol. 28, No.21 – P. 41 – 42; Bradsher, H.S. *Afghanistan and the Soviet Union*. – Durham: Duke University Press, 1985. P. 49.

28. Антони Арнольд эту свою оценку о «туманных марксистских догматах» относил к следующей приводимой им в его книге цитате, взятой из справочника «Демократическая Республика Афганистан» (М.: Наука, 1981. – стр. 42-43): «... трудные условия полулегальной деятельности, нападки реакционных кругов и ультралевых группировок, репрессии со стороны властей, малочисленность, политическая неопытность и слабая организация рабочего класса, низкий уровень классового и политического сознания трудящихся, незавершившийся процесс классового образования – все это осложняло процесс становления и формирования НДПА. Поэтому она не избежала «болезней роста». – См.: Arnold, Anthony. Afghanistan's Two Party Communism. P. 35 – 36.

29. Mukherjee, S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P. 97.

30. Кармаль Б. Народ Афганистана отстоит революцию // Проблемы мира и социализма. – 1980. – № 4. – С. 41.; Democratic Republic of Afghanistan Annual. Jadi 6, 1358 – Hoot, 1959. Kabul: Government Print Press, 1981. - P.527.

31. О Народно-демократической партии Афганистана. – С. 6.

32. Там же.

33. Кармаль Б. Взгляд на наши национальные задачи на текущем историческом этапе (пути и средства достижения победы) // Парчам. –1968, 14 марта.

34. Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – С. 2.

35. Парчам. 1969, 19 мая.

36. Кармаль Б. О генеральной линии народно-демократического движения в Афганистане // Парчам. – 1969, 19 мая.

37. Mukherjee, S. Afghanistan: From Tragedy to Triumph. – P. 96.

38. Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – С. 2–7; Актуальные проблемы афганской революции. С. 61–62.

39. Кармаль Б. Взгляд на наши национальные задачи на текущем историческом этапе; его же. О генеральной линии народно-демократического движения в Афганистане.

40. Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана. – С. 7.

41. Заявление Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана по случаю приглашения в Афганистан премьер-министра З.А.Бхутто. 10 мая 1976 г. – На языке дари (машинописный текст); Harrison, Selig. In Afghanistan's Shadow: Baluch Nationalism and Soviet Temptations. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1981. – P.141 – 148.

42. Автору в начале 60-х годов приходилось в качестве переводчика часто встречаться с М.Даудом, который в беседах неоднократно развивал мысль о возвращении зарубежных братьев-пуштунов в лоно их исторической родины путем разжигания среди них и всесторонней поддержки антиафганской партизанской войны.

43. Harrison, S. In Afghanistan's Shadow. – P.142.

44. Краткая история НДПА. – С.82-83; Актуальные проблемы афганской революции. – С. 72.

Мухаммад Тахер Бадахши родился 22 ноября 1933 года в г. Файзабаде (центр провинции Бадахшан) в состоятельной крестьянской семье. По национальности – таджик. В 1954 году поступил в престижный столичный лицей «Хабибия», а в 1968 году – на факультете права и политических наук Кабульского университета. Получив после его окончания диплом экономиста, работал последовательно в плановом отделе министерства горных дел и промышленности, журнале «Экономика» и исследовательском отделе Кабульского университета и, наконец, научным сотрудником управления по переводу и составлению учебной литературы министерства просвещения Афганистана. На I-м Учредительном съезде Народно-демократической партии Афганистана в январе 1965 г. был избран членом ее ЦК. В октябре 1965 г. арестован за участие в массовых антиправительственных выступлениях столичной молодежи. После раскола партии в 1967 г. вышел из ее рядов с группой своих сторонников и в августе того же года образовал Революционную организацию трудящихся Афганистана (РОТА). В 1969 г. был арестован и провел в тюрьме четыре месяца за антиправительственную политическую деятельность. В 1975 году снова оказался в тюрьме, где в одиночной камере просидел 18 месяцев. Летом 1978 г., уже при режиме левых, вновь был брошен в тюремные застенки и 30 октября (по другим данным, 6 декабря) 1979 г. был казнен по приказу Х.Амина.

45. Мухаммад Захер Офок родился в 1936 году в Кандагаре. По национальности – пуштун из племени ачакзаев. Образование – высшее (окончил литературный факультет Кабульского университета). Был участником I-го Учредительного съезда НДПА. Летом 1966 г. кооптирован кандидатом в члены ЦК партии. В те годы он занимался политической деятельностью в основном в Кандагаре. После государственного переворота 1973 г. вернулся в Кабул и поступил на работу в афганскую академию «Пушту Толина». Переводил с английского на дари и пушту. Продолжал заниматься научной деятельностью в этой академии и после прихода к власти левых в Кабуле в апреле 1978 г., возглавляя Отдел социальных проблем. Являлся членом-корреспондентом Академии наук Республики Афганистан.

Аманулла Остовар родился в 1946 г. Узбек. В НДПА вступил в 1965 г. Образование – высшее (окончил Кабульский политехнический институт, инженер-технолог; учился в Румынии). После вхождения Группы труда в НДПА длительное время работал инструктором организационного отдела ЦК НДПА.

Абдул Карим Заргун, пуштун из провинции Пактия, был введен по предложению Н.М.Тараки в состав кандидатов в члены ЦК НДПА (Хальк) после раскола партии в 1967 году. Хотя он и являлся креатурой

Тараки, однако выражал несогласие с его концепцией «народной (хальковской) демократии» и противопоставлял ей свой вариант «национальной демократии», вкладывая в ее содержание шовинистические (панпуштунские) и маоистские взгляды. А.К.Заргун резко выступал против фракции Парчам и ее лидера Б.Кармаля. В августе 1974 г. он был исключен из партии (Хальк) за публикацию антиаминовского памфлета или, как было указано в партийных материалах ЦК (Хальк), «из-за своих дисциплинарных проступков». Заргун имел группу своих сторонников (т.н. «заргунистов») в афганской армии вплоть до апреля 1992 г., а также в «зоне пуштунских племен». Поддерживал связи с пакистанскими коммунистами и с их помощью издал в Пакистане книгу о своих разногласиях с ЦК НДПА (Хальк).

После прихода левых к власти в 1978 году пытался установить связи с халькистским партийным руководством, направляя в его адрес предложения по вопросам политики НДПА в новых условиях. В конце 1978 г. был арестован по обвинению «в поддержке антиправительственных террористических групп» и в следующем году умерщвлен по приказу Х.Амина. По утверждению пакистанского автора Раджа Анвара, он был брошен в холодильную камеру и заживо заморожен.

Источники: Актуальные проблемы афганской революции. – С. 73-74; О Народно-демократической партии Афганистана. – С. 18.; Михан. – 1988, 22 октября; Anwar, Raja. The Tragedy of Afghanistan: A First-hand Account. – London: Verco, 1988. – P. 64-65.